

КРОКОДИЛ

№ 27 • СЕНТЯБРЬ 1975

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Рисунок Е. ГОРОХОВА

А. ГОЛУБ, специальный корреспондент Крокодила

ЖАРКАЯ ОСЕНЬ

ГОРОД В ДЕРЕВНЕ

Заведующий сельхозотделом Переславль-Залесского горкома партии Иван Михайлович Лоямич безуспешно взывал к телефоисткам:

— Горки мне, Терентьева! Не отвечают?.. Тогда Комарова!.. Ну, бухгалтерию!.. Вот беда!..

Днем, в разгар уборочных работ, все совхозные телефоны хранили упорное молчание.

— Ну что ж,— сказал Лоямич, бессильно опуская на рычаг телефонную трубку.— Придется рискнуть. Хотя, собственно говоря, никакого риска нет. В случае чего, переночуете у Тювина. Кстати, познакомитесь.

От Переславля-Залесского до Горок по асфальту час езды. Когда-то по этой дороге от станции Рязанцево до Горок проезжал В. И. Ленин. В 1894 году член марксистского кружка студентов-технологов Алексей Ганшин в доме своего отца, расположенном в деревне Горки-Переславльские, организовал нелегальное издание ленинской работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Владимир Ильич очень интересовался тем, как идет печатание книги, и летом того же года побывал в Горках.

В те годы до Горок приходилось добираться на лошадях по ухабистому проселку. По архивным данным, тогда в деревне были 23 крестьянские избы под соломенными крышами, водяная мельница на Шахе да несколько рубленных «по-черному» банек у реки.

Сегодня в Горках центральная усадьба совхоза имени В. И. Ленина. Я стою у дверей совхозной конторы, а вокруг разворачивается внушительный ансамбль двухэтажных жилых домиков, украшенных балкончиками. На выметенной до блеска асфальтированной деревенской площади стоит превосходный Дом культуры со зрительным залом на 300 кресел. К нему примыкает такая же современная школа. А дальше гостиница, магазин самообслуживания, детский сад и ясли. Вот только деревянных банек не видать! И говорят, что по этому поводу крестьяне пишут жалобы. Потому что как ни приятно понежиться в ванне, а раз в недельку побаловаться березовым веничком тоже не мешает.

Итак, я стою у дверей совхозной конторы, где располагается штаб уборки, и понапрасну дергаю ручку. За дверями — тишина.

— Директора случаем не видели? — окликнул я шофера самосвала, притормозившего у конторы.

— Александр Васильевич полчаса назад был на току. Только боюсь, что там вы его уже не застанете.

— А секретаря парткома?

— Николай Алексеевич час назад был у комбайнов. А вот где он теперь?..

Над зеленым газоном высоко в небе трепещет на ветру алое полотнище. Под ним к мачте приколочена табличка: «Флаг трудовой славы поднят в честь победителей предсъездовского соревнования — членов звена комбайнера В. А. Тювина!».

К конторе подкатил мотоциклист.

— Директора случаем не видели? — заученно бросился я к нему.

— Александр Васильевич недавно был в мастерских.

— А секретаря парткома?

— Я секретарь.

— Что же так? — деловито осведомился я.— Народ, можно сказать, трудится не покладая рук, а в штабе пусто!

— А почему вы, мил человек, решили, что уборочный штаб непременно должен находиться в канцелярии? — улыбнулся Комаров.— Штаб передвигается вместе с фронтом и располагается там, где решается успех дела. Сегодня он во втором отделении совхоза, завтра будет в первом. Кстати, сейчас начнется планерка, если желаете, подвезу.

Я примостился позади Комарова, и мотоцикл понесся через овраги и буераки к видневшейся на горизонте деревне.

Директор совхоза А. В. Терентьев, главный инженер Е. С. Антипов, управляющие отделениями Н. А. Ушаков и Ф. Н. Демин и другие специалисты совещаются в прокуренной комнате обыкновенной избы. Дел невпроворот. Нужно в темпе убрать, просушить и очистить тысячи тонн зерна. Быстрее закончить сев озимых, успеть скосить и засилосовать отаву клевера, заготовить витамиинную муку, вести копку картофеля, вспашку зяби... В этом круговороте ничего не позабыть и не проворонить. Что и говорить — трудненько!

— Ну как, Федор Никифорович, продержишься?— обращается Терентьев к управляющему вторым отделением Демину. Вопрос вызван тем, что один из самосвалов, отвозивших зерно, пришлось перебросить на перевозку картофеля. На оставшиеся в отделении три самосвала пришлось по два десятка тонн в день дополнительно. Если Демин потребует возвратить автомашину, уборка картофеля замедлится.

Демин мучительно раздумывает, а затем соглашается:

— Продержусь, Александр Васильевич!

Секретарь парткома сообщает, что звено комбайнера Тювина, воспользовавшись перерывом в косовице, вызванным неравномерным созреванием хлебов, помогло соседнему колхозу «Борьба». За три дня там убрали сто сорок гектаров хлеба и снова возвратились на свои поля.

— Комбайнеры Тювина молодцы! — замечает Терентьев.— Придется, видимо, и в следующей пятидневке поднимать в их честь флаг трудовой славы.

И МОРАЛЬНО И МАТЕРИАЛЬНО

— Что движет коллективом совхоза в эти дни? — переспрашивает меня Комаров.— Отвечу. Приближающийся съезд партии. Это событие касается непосредственно каждого. Двадцать пятый съезд примет новые важные решения, и все с нетерпением и радостью ожидают его. Когда, вы думаете, был построен в Горках наш, как мы его называем, агрогород? В основном после двадцать четвертого съезда. Между прочим, все механизаторы получили новые квартиры!

Я хотел было спросить, получил ли квартиру Тювин, но Николай Алексеевич перешел к другой теме.

— Вы интересовались, как мы организовали соревнование. С первого дня уборки выпускаем такой вот бюллетень,— говорит Комаров и выкладывает на стол пачку листовок.— В двадцати пяти экземплярах — для всех агитаторов. Из него все узнают о своих результатах — и комбайнер, и шофер, и тракторист, и сеяльщик... А вот стенная газета «Ленинец». Издается в пяти экземплярах...

— А как с материальным стимулом?

— И об этом не забываем. За пятидневку вышел вперед — получай премию. А по окончании уборки— ценный подарок.

Я мысленно прикидываю, сколько пятидневок длится уборка и сколько премиальных получил Тювин.

— А вы не считайте,— угадав мои мысли, хитро щурится Комаров.— Его жена уже подсчитала. И не за один год, а за все двенадцать, которые он работает комбайнером. Людмила Ивановна Тювина — главный бухгалтер совхоза и к тому же председатель группы народного контроля. Так что ей, можно сказать, и счеты в руки!

— На этом сегодня, пожалуй, и поставим точку,— заключил Комаров. — А завтра познакомлю вас с Тювиным. Кстати, его семья проживает в Горках, в новой квартире с ванной, газом, центральным отоплением и прочими удобствами.

РЯБЧИК НА ВЕРТЕЛЕ

...Необозримо, до самого горизонта, простирается хлебное поле. Солнце, тишина, в голубом небе порхают жаворонки. Кажется, ничто не может нарушить эту идиллическую картину.

Но вот откуда-то доносится гул. Он нарастает все отчетливее, и, наконец, все вокруг наполняется даже не гулом и рокотом, а оглушительным, гремящим ревом. Идут шеренгой комбайны... Из бункеров их в кузова грузовиков упругими струями хлещет зерно.

Вячеслав Александрович Тювин спрыгнул на землю и отер со лба крупные капли пота. Весь собранный, ладный, светловолосый и улыбчивый. Узнав, что с ним желает беседовать корреспондент, он многозначительно ткнул пальцем в наручные часы, взлетел в кабину и вскоре скрылся из виду.

— Вы его поняли? — спросил Комаров.— Через полтора часа обеденный перерыв, тогда он и выкроит для нас время.

К обеду поле было скошено, и механизаторы погнали свои машины на другой участок, рассчитывая по пути в деревне перекусить. Ехать можно было через Горки или через Будовское. В Горках я видел роскошное здание с вывеской «Столовая», но комбайны взяли курс на Будовское. Почему?

— Столовая-то от ресторана «Лесная сказка»,— как-то неопределенно ответил Комаров.

— Так это же прекрасно! — с жаром воскликнул я.— Там, говорят, подают рябчиков на вертеле!

— Подают. Только моим комбайнерам рябчик на вертеле да к тому же по ресторанным ценам как-то не по вкусу. Косточек, знаете ли, много, мяса мало. Комбайнеров и трактористов кормим в Будовском. Поручили своей поварихе. Правда, там без особых деликатесов, зато вкусно, сытно и дешево.

Пообедав, механизаторы собрались вокруг секретаря парткома. Комаров извлек свои записи и удовлетворил всеобщее любопытство. Он связывался по телефону с колхозом «Вперед», Борисоглебского района, и установил, что Тювин обошел своего соперника — тамошнего комбайнера Вениамина Сергеевича Березина. Горкинский комбайнер Вячеслав Александрович Тювин прочно занял первое место и установил рекорд области: восемьсот гектаров зерновых!

— Все это, конечно, очень приятно,— сказал Тювин. – Жаль только, что наши местные газеты редко пишут о нашем соревновании. Моя фамилия, правда, еще кое-когда промелькнет... А ведь все пять комбайнеров работают замечательно. Молодежный экипаж Виктора Бурлова завоевал переходящий вымпел ЦК ВЛКСМ. Виктор соревнуется со мной и с комбайнером из совхоза «Нагорье». Назови-ка его фамилию, Виктор,— обратился Тювин к Бурлову.

— Фамилия — Воробьев! Только вот сколько он гектаров убрал, понятия не имею.

— Да и нашу «Сельхозтехнику» следовало бы пропечатать,— вступил в разговор комбайнер Анатолий Волков.— В машине Леонида Соловьева полетела коробка передач, ее сняли, отвезли на обменный пункт, а взамен ничего не получили. Комбайн четвертый день простаивает, Соловьев на себя не похож стал. Так парня и до инфаркта довести можно!

Хорошо разбираясь в структуре «Сельхозтехники», комбайнеры бросали камешки в адрес не столько районных и областных руководителей, сколько тех, чьи кабинеты находятся в Москве, в Орликовом переулке.

В самом деле:
пальцев к режущему аппарату нет,
сегментов уже сколько лет не получали,
как выглядят новые ножи — и вовсе позабыли.

Или взять подшипник 308306 к комбайну «Нива». На двести пятьдесят имеющихся в области машин прислали... восемь штук запасных. При таком обеспечении хороший комбайн — тот же рябчик на вертеле: выглядит красиво, а сыт не будешь. Потому что ничего на нем не заработаешь.

— Пусть только нас обеспечат всем необходимым,— подвел итог Тювин,— а уж за нами дело не станет.

* * *

На краю Горок, на фоне современных очертаний новых зданий, невольно привлекает внимание старинный домик с островерхой крышей. Когда-то в нем останавливался Ильич. Сейчас здесь музей В. И. Ленина.

Домик окрашен в серебристый цвет и словно бы излучает теплое сияние. И, кажется, оно по-праздничному освещает сегодняшние трудовые будни хлеборобов.

Ярославская область.

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

МИНИАТЮРЫ

Ф. ТРОИЦКИЙ

ХИТРЫЙ СТЕПАН

Степан в торговле подвизался,
Но за пять лет ни разу
не попался...
— Начальству, видно,
взятки он давал!
— Нет, просто он не воровал!

г. Омск.

А. МАЛИН

О ЧЕРТОПОЛОХЕ И ЭПОХЕ

Не трогали пока Чертополоха,
Он говорил: — Жить в наши
дни неплохо!
Но стали с поля гнать
Чертополоха —
Ему уже не нравится эпоха!

г. Симферополь.

Е. ЕФИМОВСКИЙ

ВЫВЕРНУЛСЯ...

Что ни постройка — явная
халтура,
Но все же был прораб
неуязвим:
— Пусть эта птицеферма —
на смех курам,
Но курам тоже смех необходим!

г. Ленинград.

Мих. ДВИНСКИЙ

ОСТОРОЖНАЯ ЭПИТАФИЯ

Тут спит отец-заочник,
Беглец от жен и дочек.
Но, может быть, не спит,
А только сделал вид!..
О женщины, проверьте
Свидетельство о смерти!

г. Вильнюс.

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Между двух огней

Начальник экспедиционного рыбцеха Ждановского производственного рыбоконсервного комбината Ф. С. Пужаринский бросил на стол директора заявление.

— Я ухожу,— сухо сказал он.— Навсегда.

— Сжальтесь, голубчик! — схватил своего подчиненного за полу пиджака директор.— Ей-ей, пропадем без вас!..

— А сколько раз можно расставаться? — с трудом вырвался Пужаринский из цепких рук Михаила Борисовича Фиха.— За последние два месяца вы меня уже трижды увольняли.

— Ну, положим, лично я всего дважды,— обиженно уточнил М. Б. Фих.— Последний раз с вами распрощался исполнявший мои обязанности Чудновский.

— Мне от этого не легче,— пожал плечами Пужаринский.

— Ах, Франц Станиславович, если бы вы знали, как тяжело я переносил каждую разлуку с вами! — смахнул набежавшую слезу директор.— Помню, когда уволил вас в первый раз, три недели места себе не находил, так тосковал. А потом не выдержал и восстановил вас на прежней должности.

— А спустя два дня снова отстранили,— горько усмехнулся Франц Станиславович.

— Зато вторая разлука длилась значительно короче первой,— напомнил директор.— Всего четыре дня...

— Зачем говорить красивые слова? — махнул рукой Франц Станиславович.— Вам просто предложили сохранить меня как незаменимого работника...

— И увольнял я вас, если помните, тоже не по своей воле,— огорчился М. Б. Фих.

— А не вы ли накануне первого увольнения закатили мне выговорешник? — прищурился начальник рыбцеха.

— Между прочим, этот выговор является лучшим доказательством того, насколько вы мне дороги,— с нежностью произнес Михаил Борисович.

Франц Станиславович был несправедлив к директору. В самом деле, Фих питал к нему трогательнейшую привязанность. А сильные чувства заставляют порой закрывать глаза на самые ужасные проступки любимчиков. Так получилось и в данном случае. Когда из милиции поступило сообщение, что начальник рыбцеха в целях наживы выписывал фиктивные накладные на вымышленных лиц и, кроме того, присвоил около десяти пудов вяленого судака, Михаил Борисович проявил завидную выдержку. Он не прогнал Пужаринского с глаз долой, а ограничился простым выговором. И, разумеется, директор ни за что на свете не расстался бы с милым его сердцу Пужаринским, если бы не получил соответствующее постановление городской прокуратуры...

Ах, стоит ли описывать переживания убитого горем директора рыбоконсервного комбината! Страдания не только терзают душу, но и располагают к преувеличениям. Михаилу Борисовичу стало даже казаться, что без Пужаринского может остановиться производство вяленой рыбы. Наконец, не вынеся разлуки, Фих на свой страх и риск положил под сукно постановление прокуратуры. И «в связи с массовым приемом хамсы» восстановил Франца Станиславовича в прежней должности.

Однако злые разлучники не дремали. И хотя в городской прокуратуре знали, что расхититель наверняка не польстится на мелкую хамсу, блюстители закона все-таки заставили директора вновь распрощаться с Францем Станиславовичем...

И тут разгорелся сыр-бор. Прокурор города Жданова неожиданно получил письмо из Севастополя. Автор послания, начальник Главного управления «Азчеррыба» И. Ф. Денисенко, пугаясь каких-то «отрицательных последствий в связи со сменой руководства», просил прокурора «не настаивать на освобождении т. Пужаринского Ф. С. от занимаемой должности».

Но прокурор не удостоил ответом уважаемого автора и на всякий случай предупредил М. Б. Фиха:

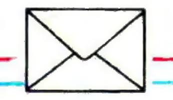
«Прошу сообщить руководству Вашего главка, что Пужаринский Ф. С. будет привлечен к уголовной ответственности за совершенные им преступления. Вы также будете нести ответственность за невыполнение постановления следственных органов об отстранении от должности Пужаринского».

Директор рыбоконсервного комбината оказался в буквальном смысле между двух огней. С одной стороны, вроде бы следовало выполнить предписание прокурора, а с другой стороны — хотелось уважить просьбу начальства. Однако Михаил Борисович мучился недолго. Его сомнения рассеялись после получения депеши от секретаря Керченского горкома партии тов. Е. Золотарева, который, как и начальник главка, тоже опасался «отрицательных последствий в работе рыбцеха в случае смены руководства».

А вскоре Ф. С. Пужаринского уволили в четвертый раз. Но уже не по требованию прокурора, а по его собственному желанию. И благодаря благозвучной записи в трудовой книжке расхититель нашел работу по душе. И опять руководящую. Отныне он восседает в кресле директора пансионатов «Керчьметаллургстроя».

Как видно, при заботливых покровителях и сам прокурор бывает не страшен...

г. Жданов.

«Повестка дня собрания на кременчугском нефтеперерабатывающем заводе была «Подготовка оборудования к ремонту». Говорили несколько часов, а все неконкретно. Неужели и в других местах так бывает?»

(Из письма в редакцию Ю. Куликова, г. Кременчуг, Полтавской обл.).

ИМИТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бывает, дорогой товарищ Куликов, бывает. И еще как! Вот совсем недавно я побывал в одном стройтресте. Трест отстоит от ближайшего океана на расстоянии трех тысяч миль. Однако распорядок здесь такой же, как на кораблях дальнего плавания. Время от времени в рубку управляющего вваливается предместкома и натруженным боцманским голосом объявляет:

— Пора объявлять аврал! Пора!

Под звон заседательских склянок и нервные призывы: «Все наверх!» — начинается многочасовая конференция «Делу — время, потехе — час!».

Управляющий. В рабочем дне у нас сколько часов?

Голос. Семь!

Управляющий. Правильно! А минут?

Голос. Шестью семь — сорок два... Четыреста двадцать!

Управляющий. Точно! И все эти четыреста двадцать минут ноль-ноль секунд мы должны отдавать делу обеспечения и внедрения, делу подъема и приумножения. Вперед на борьбу против расхищения времени!

Конференция течет плавно и завораживающе, не нарушаемая никакими всплесками. Впрочем, к концу пятого часа великого сидения с места вскакивает заведующая сектором согласования и, рдея от смущения, просит ее отпустить, так как дома у нее некормленые дети. После долгих препирательств принимается решение: просьбу удовлетворить. С трудом скрывая счастливую улыбку, заведующая покидает зал. Тут же за ней увязывается молоденькая сотрудница.

— А у вас что, тоже дети?! — с гневом спрашивает председательствующий.

— Если я буду здесь торчать, у меня их вообще не будет!

Гипербола? Небольшая. Так сказать, в допустимых жанром пределах. А вот какова здесь доля истины, вы можете и сами определить. Проверив недавно на Урале, как используют свое служебное время семьдесят директоров предприятий, социологи выяснили, что четверть дня они заседают — то есть шесть полных рабочих дней в месяц! Ужаснувшись этим данным, социологи перебрались на Украину и опросили руководителей одного крупного станкостроительного завода. И выяснилось, что те ежемесячно проводят 56 совещаний по оперативным вопросам и 15 — по специальным.

Что они делают на своих бесконечных вече? Говорят, говорят, говорят... Ах, если бы только по делу, по существу, по нужде!.. А то ведь большая часть времени уходит на выяснение проблемы клева лещей или перспектив «Торпедо» в нынешнем сезоне. Так что на критику порой не остается времени.

Впрочем, в стройтресте, о котором мы вели речь, все же иногда вспоминают, что надо кого-то и заклеймить. Поднимается с места предместкома и обличительным голосом говорит:

— Как всегда, недремлющая общественность выпустила стенгазету, где нелицеприятно клеймит огнем сатиры главную расхитительницу времени секретаря приемной Инну Ивановну. Позвольте зачитать:

Сидят в приемной на диване
Три человека целый век...
Ах, как не стыдно, Инна Ванна,
Вы — нехороший человек!

Инна Ивановна самокритично рыдает. Конференция продолжает свою работу. Когда уже произнесены все мобилизующие речи, а в графинах не осталось для увлажнения гортани кипяченой воды, вдруг раздается стук в дверь.

— Кто стучится сильно так? — в изумлении спрашивает управляющий.

Голос. Прораб со стройки просочился...

Управляющий. Товарищ, будьте сознательны! Для вас же стараемся! О вас же печемся!

Прораб. Так стройка же закоченела. Материалов не хватает.

Управляющий. Вот мобилизнемся, тогда и пришлем. Идите, товарищ, идите, идите...

Очень точно заметил по сходному поводу один социолог: порой в своей деловой жизни мы не замечаем, как стирается черта между работой и антиработой, между деятельностью и ее имитацией.

Фельетонист

С. БОДРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Ох, солоно!

И профессор удивится, побеседовав с директором совхоза «Прогресс» М. Назановым на какую-нибудь научную тему. Какая эрудиция, что за острый ум у этого сельского труженика!

М. Назанов силен не только в теории. Отнюдь не слаб он и в практике. Всего год понадобился ему, чтобы вытащить вверенный совхоз с последнего места и передвинуть на первое. Согласитесь, с такой задачей не всякий и зав. кафедрой справился бы.

Наш селянин справился. Жить в «Прогрессе» стало веселее по всем статьям. К примеру, раньше свинарь Антон Сименович приезжал на ферму на мопеде с чихающим моторчиком, брал в руки опостылевшие вилы и клял свою судьбу. Ныне исключительно на белоснежных «Жигулях» подкатывает к откормочному комплексу оператор А. Сименович.

— Эй, Антуан! — спрашивает директор, который так прозвал свинаря за форсистость. — Как аппаратура?

— Все в порядке! — отвечает Антуан, орудуя кормораздатчиком особой директорской конструкции и вежливо поглядывая на руководителя.

За ум и деловые качества М. Назанов снискал большое уважение среди односельчан.

А вот теперь послушайте, как этого умницу, эрудита и изобретателя, который видит на десять ходов вперед, можно легко напугать. Крикните ему в шутку:

— Вагоны прибыли!

И не поверите: покинет директора достоинство, сойдет с лица темный загар, и почувствует он себя самым несчастным человеком в Чимкентской области...

— Конечно, не поверю,— скажет разумный читатель. — Да и при чем здесь вагоны?

Ответим по порядку. Оказывается, и человека семи пядей во лбу можно вывести из себя очень просто. И вагоны здесь играют свою роль.

Совхоз «Прогресс» откормочный. Для полноценного питания здешним поросятам и КРСу (крупному рогатому скоту) положено добавлять в рацион минеральные корма — мела, значит, фосфат, соли-лизунца. Телке надобно двадцать пять граммов ежедневно, бычку — сто.

И вот имел неосторожность совхоз просить Каратогайский комбинат прислать немного мела, Джамбулский фосфорный завод — несколько тонн фосфата, а Илецкий сольрудник — ничего не присылать, так как соль на данном этапе имеется.

И вот вскоре в адрес совхоза прибывают вагоны с подарками: 125 тонн мела, 60 тонн кормового фосфата и 125 тонн соли, которую просили не присылать.

— Да это не нам,— уверенно говорят руководители совхоза железнодорожникам. — Мы ведь не заказывали столько!

— Вам, вам,— строго говорят железнодорожники. — Советуем немедленно приступить к разгрузке.

— Это ошибка! Нам ведь не надо такое количество!

— Это нас не касается,— еще строже говорят железнодорожники. — А ну, освобождай вагоны! Не то такой штраф влепим, что небо с овчинку покажется...

С железной дорогой спорить трудно. Ударными темпами разгружает совхоз полученное и вежливо сообщает поставщикам: мол, спасибо за заботу, получили все, что надо и не надо, обеспечены теперь минеральными кормами в избытке, крайне просим больше ничего не присылать.

Но не успевает глазом моргнуть директор, как опять трезвонит телефон:

— Вагоны прибыли!

Идет Великое Снабжение... Минеральные корма поступают в совхоз утром и под вечер, в будни и в праздники. Напрасно шлет директор несколько раз на дню такую телеграмму:

«АКТЮБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ. КАРАТОГАЙСКИЙ КОМБИНАТ ПО ПРОИЗВОДСТВУ МЕЛА. СОВХОЗ «ПРОГРЕСС» ПРОСИТ ВАС БЕЗ НАШЕГО ЗАКАЗА МЕЛА НЕ ПОСЫЛАТЬ. НАЗАНОВ».

И такую:

«ДЖАМБУЛСКАЯ ОБЛАСТЬ. ДЖАМБУЛСКИЙ ФОСФОРНЫЙ ЗАВОД ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. ПРОСИМ ВАС ВПРЕДЬ НЕ НАПРАВЛЯТЬ НАМ КОРМОВОЙ ФОСФАТ. НАЗАНОВ».

И еще одну:

«ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ. ИЛЕЦКИЙ СОЛЬРУДНИК. НЕСМОТРЯ НА ОТСУТСТВИЕ НАШЕГО ЗАКАЗА ВЫ РЕГУЛЯРНО ВЫСЫЛАЕТЕ ПО ТРИ ВАГОНА СОЛИ. ПРОШУ ПРЕКРАТИТЬ ТАКИЕ ДЕЙСТВИЯ. НАЗАНОВ».

Но нет Назанову никакого ответа на его воззвания. Поставщики твердо решили завалить «Прогресс» мелом, засыпать кормовым фосфатом, закидать солью-лизунцом.

И вот уже не хватает транспорта, и мобилизуют трудоспособное население на вывозку этих кормовых Тянь-Шанских гор. Дирекция совхоза сначала пытается торговать мелом на базаре, а потом безвозмездно жертвует его окрестным школам. Однако положения это не спасает. Вот уже нет складских помещений, и роет совхоз котлован, чтобы закопать неумещающееся в землю.

«Чем обусловлены такие поступки наших поставщиков? — в отчаянии думает Назанов, разгружая очередной состав. — Шалостью? Склерозом? Диким хмелем?»

Вскоре туман рассеялся. При ясной памяти и трезвом рассудке действовали работники Каратогайского комбината, Илецкого сольрудника и Джамбулского фосфорного завода. Ими был найден крайне удобный способ реализации излишков своей продукции. Без хлопот, без затрат на рекламу, без поисков новых клиентов. Ведь куда удобнее, оказывается, слать эту продукцию по постоянному адресу!

И поэтому они, конечно, не шутили, когда сняли со счетов «Прогресса» более двадцати тысяч рублей за ненужные тому минеральные корма.

По рентабельности молодого совхоза был нанесен чувствительный удар.

— Нас разорят! — вскричал директор Назанов.

— Судиться, непременно судиться! — сгоряча предложил А. Сименович.— Закон вернет нам наши деньги!

Ах, горячие головы! Как же вы будете судиться, к примеру, с Джамбулским фосфорным заводом? Ведь, кроме минеральных кормов, которыми он в избытке снабжает «Пропресс», завод производит еще и минеральные удобрения, с выпуском которых постоянно не справляется. И не только «Прогресс», а весь Кировский район клянчит у завода этот дефицит. Вот и попробуй тут добиться справедливости. Рассерчает индустриальный сосед, покажет вовсе кукиш, чем тогда удобрять землю? А?

Нет, никто не позволит совхозу портить отношения с таким соседом... И не портят. А поэтому и наблюдается у промышленных гигантов бесцеремонное обращение с сельским тружеником.

Но обидно умному человеку Назанову, что всякий, кому не лень, может поставить его в глуповатое положение. И тоскливо перечисляет он:

— Запасов кормового фосфата у нас на двадцать один год. Мела — на двадцать девять лет. А соли...

— Опять вагон прибыл,— мрачно вставляет подъехавший Антуан.

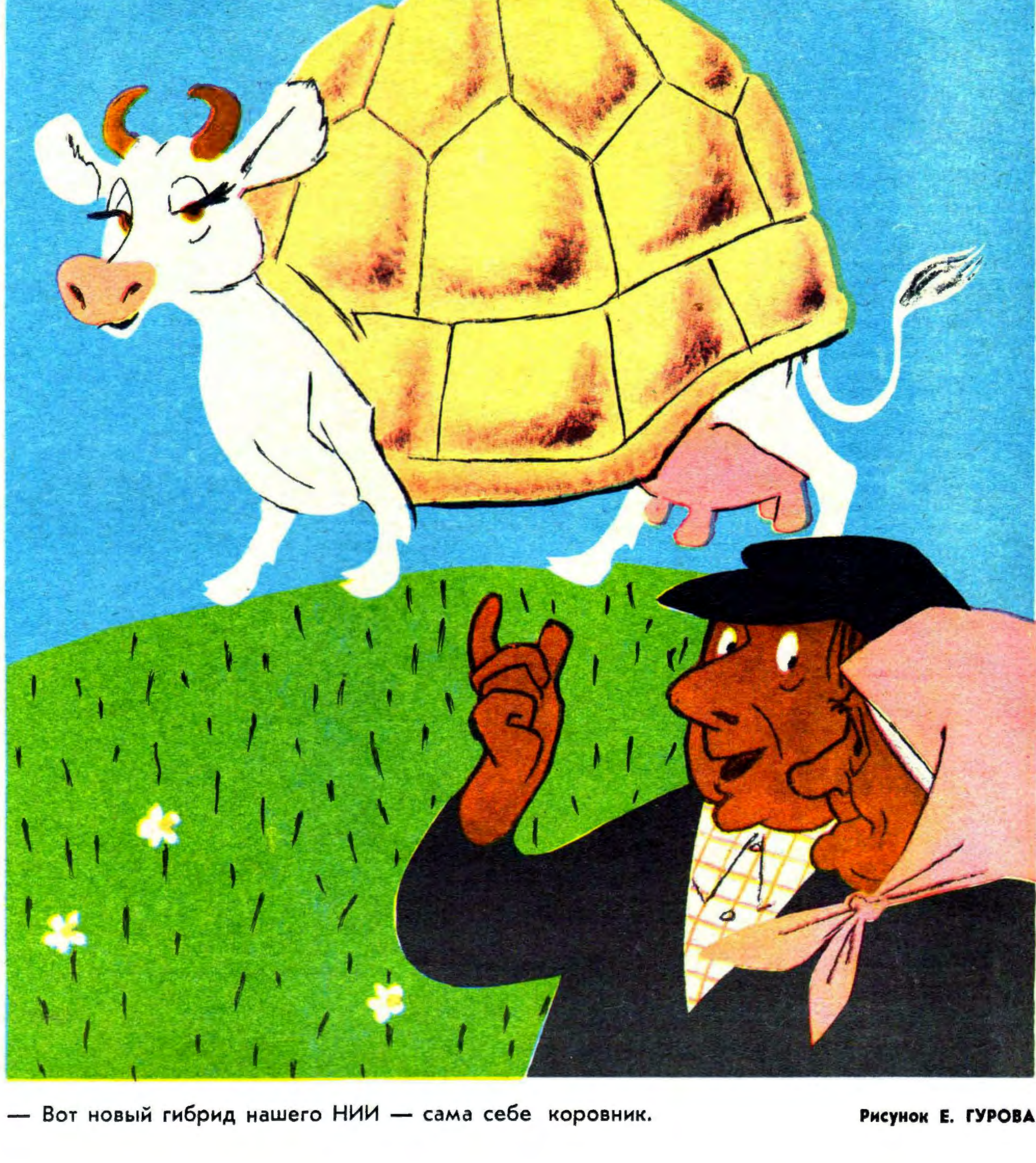
— Шутишь? — с надеждой спрашивает Назанов.

— Правда, правда,— звонят железнодорожники. — Срочно приступайте к разгрузке!

— ...А соли-лизунца хватит теперь до две тысячи тридцать шестого года,— говорит директор, и становится ему совсем солоно.

Чимкентская область,
Казахской ССР.

— Вот новый гибрид нашего НИИ — сама себе коровник.

Рисунок Е. ГУРОВА

Сатирические и юмористические рассказы, фельетоны, монологи и диалоги, собранные в книжке киевлян Роберта ВИККЕРСА и Александра КАНЕВСКОГО «Как стать любимым», предназначены для эстрады. Издана эта книжка в московском издательстве «Искусство».

«Влиятельный привет» — книжка рассказов и фельетонов лауреата премии Союза журналистов Казахстана Николая ШЕВЦОВА вышла в Алма-Ате, в издательстве «Казахстан».

Сергей РУДИК, журналист, работающий в жанре фельетона, издал на Украине свою четвертую книжку юморесок «Друг семьи».

«Восьмая бандероль» — сборник сатирических произведений молдавских литераторов и карикатуристов разных поколений и почерков, составленный И. Жосулом в Кишиневе,— вышел в издательстве ЦК КП Молдавии.

Издательство Чувашского обкома КПСС выпустило сборник произведений сатириков республики «Капкан» шагает — «Капкан» смеется», посвященный недавно состоявшемуся 50-летию этого журнала.

Издательство «Транспорт» выпустило в свет альбом карикатур художника Ю. ЧЕРЕПАНОВА «Будем знакомы». Автор посвятил 102 рисунка новым дорожным знакам. Как любитель - автомобилист, художник по собственному опыту знает, с каким трудом дается изучение этих знаков. А так как доказано, что юмор повышает усвояемость не только пищи, но и знаний, Ю. Черепанов решил помочь коллегам по рулю. Воспроизводим два рисунка из альбома.

Единственный выход.

— Извини, но дальше везти не могу...

Знак скверного качества

ИЗОБРЕЛИ ВЕЛОСИПЕД

Работники завода металлоизделий города Молодечно наконец-то изобрели детский велосипед совершенно новой конструкции. Например, он сам, без посторонней помощи теряет колеса на ходу. Сынишка супругов Жмак из г. Актюбинска открыл еще одно любопытное свойство новой машины: через какой-то месяц велосипед разваливается на отдельные составные части.

В. МИХАЙЛОВА.

Логический практикум

ДЛЯ ВАС, СООБРАЗИТЕЛЬНЫЕ!

Этот снимок прислал нам Демьян Федорович М. из г. Тюмени. На нем запечатлен дверной проем между комнатой и верандой в домике Демьяна Федоровича на садовом участке. Как вы видите, дверь, заказанная хозяином домика, получилась значительно уже проема.

Условия задачи:

1. Хозяин домика заказывал дверь размером 180 см×60 см. Изготовленная дверь имеет точно такой размер, но при этом она уже дверного проема на 10 см.
2. Все причастные лица — заказчик, вымерявший высоту и ширину дверного проема, приемщик столярной мастерской, оформлявший заказ, и мастер, изготовлявший дверь,— были стерильно трезвы.
3. Дверь сработана из сухого пиломатериала, что исключает возможность ее усыхания, коробления, сжатия и прочих дефектов.
4. Заказчик измерял размеры дверного проема не какой-нибудь веревкой или, упаси бог, резиновым шнуром, а металлическим складным метром.

Требуется определить, по вине какого бракодела произошла эта досадная неувязка.

Фамилии первых пяти читателей, приславших в редакцию правильные ответы, будут напечатаны в журнале почетным **жирным шрифтом.** На конверте просим сделать пометку «Кто виноват?».

Игорь МАРТЬЯНОВ

ЧЕРЕВИЧКИ

Влюбился Вакула в Оксану
И клялся ей, полный отваги:
— Тебе черевички достану,
Каких не бывает в сельмаге!
Полгода он странствовал
где-то.
Полгода — ни слуха,
ни вести.
И вот к окончанию лета
Вернулся Вакула к невесте.
— Недаром я рыскал
по свету —
Привез тебе чудо-сапожки.
Обновку прелестную эту
Примерь, дорогая, на ножки.
Взяла драгоценный подарок,
Сияя от счастья, отрада.
И был поцелуй ее жарок —
Законная парню награда.
Но вдруг побледнела девица
И взор помутнел ее ясный:
— Как смел ты,—
спросила,— явиться
С насмешкой, обманщик
несчастный!
Всплакнула, швырнула
со злобой
Она черевички к порогу:
— Тебя ж облапошили —
Оба
Всучили на левую ногу!

г. Иваново.

БРАКОДЕЛ В АДУ

— Моими спичками черта с два разожжете!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Святослав СПАССКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СТОЮ НА ПОЛУСТАНОЧКЕ

— Вы представляете? Едем-едем, и вдруг поезд — стоп среди поля. Машинист сходит, срезает подсолнух, возвращается себе вразвалочку, дает гудок — поехали! И это фирменный поезд «Рица»!

— Что хотят, то и делают... А вот электричка нипочем не остановится, хоть и видит, что народу на платформе много. У ней, понимаете, по расписанию остановка не предусмотрена...

(Из разговора в купе).

В нетерпении колотится гулкое сердце локомотива. Перед машинистом — пульт управления. Десятки рычажков, кнопок, лампочек с марсианскими обозначениями: «ФР», «ТР-Р», «РОТ», «ОХП»... Ряд непонятных манипуляций — и грузовой поезд весом около четырех тысяч тонн, длиной почти с километр, трогается от станции Кавказская на Батайск.

За бортом — тридцать градусов жары. Пессимисты утверждают, что в раскаленной кабине электровоза — шестьдесят. «Сорок семь — сорок восемь», — возражают оптимисты.

Раздается пронзительный визг, до того неожиданный, что впору перекреститься. Поросенка переехали? Нет, это сработала рукоятка бдительности, проверяющая: эй, ребята, не спите ли? Машинист тихонько хлопает рукоятку по круглой головке, и она на время затыкается.

Допустим невероятное: оба — машинист и помощник — враз теряют сознание. Авария? Нет. Навизжавшись перед красным сигналом светофора, рукоятка включит автоторможение.

Строг контроль за машинистом, и это разумно. Он отвечает за сотни жизней, за тысячи тонн груза. Перед поездкой запускает механик самописцы, которые дотошно фиксируют скорость, правильность торможения, реакцию водителя на перемену сигнала, на позывные рукоятки бдительности... А останови машинист поезд самовольно, в предвкушении сладких краснодарских семечек, это было бы равносильно подаче заявления: «Прошу перевести меня в помощники сроком на три месяца». Все отметит лента самописца, кроме, может быть, диаметра срезанной шляпки подсолнуха.

А если экстренный случай, поломка? Предусмотрено и это. Десять минут дается механику на определение дефекта — и изволь доложить по рации дежурному, что случилось, нужна ли помощь. Десять минут, ни секундой больше, потому что уже выстраивается очередь вслед идущих составов, и кажется, что хруст слышится по всей дороге: так ощутимо и болезненно ломается график движения.

Жара, жара... Чем чаще зеленый свет заменяется красным, тем быстрее красные куски колбасы в чемоданчике машиниста зеленеют. Выбрасывается колбаса на радость путейским воронам, а пот заливает глаза (рубашку скинуть не смей — работа здесь, не пляж), и на задней стенке кабины в деревянном гнезде постукивает бестолковый купеческий графинчик с полутора литрами питьевой воды. Очень горячей сделаться она не успевает, так как выпивается бригадой в течение первых часов рейса. А уж далее приветствуется здоровая инициатива машиниста, поскольку не видать на горизонте тележки с краснощекой газировщицей.

— Коля,— говорит машинист помощнику,— ну-ка, на следующей стоянке — за водой.

Но опытен Коля, не первый раз едет.

— Тут нету, Григорыч, теперь если только в Крыловской задержат.

Не светит бригаде торчание в Крыловской, но и пить хочется, язык во рту — рашпилем. А язык отдыхать не имеет права, по уставу должен много чего выговорить.

К примеру, у каждого блокучастка обязан донести помощник:

— Зеленый!

— Зеленый, — обязан продублировать машинист.

Тут с грохотом наваливается встречный, и, захлопнув боковое окно, пригибаясь, отшатывается помощник в глубь кабины, потому что и такое бывает: сорвется камень с борта полувагона, груженного щебнем, или разудалый курортник, не глядя, вышвырнет бутылку в окошко... Встречный проносится, помощник глядит вслед, предварительно оповестив машиниста: «Отвлекаюсь». Разминулись благополучно.

— Без замечаний, — реплика помощника.

— Без замечаний, — дубляж машиниста.

— Желтый.

— Желтый...

— Красный.

— Красный...

Шипят тормоза — слезай, приехали, и завязывается в бригаде профессиональный спор: кому же все-таки легче, электро- или тепловозникам? Соглашаются на том, что квас, ежели холодный, все-таки лучше лимонада.

Нехитрая штука — пятилитровый алюминиевый термос, спутник комбайнера. Однако с неба такие термосы не сыплются, хлопотать надо... Но задумчиво говорит Евгений Федорович Карпенко, начальник Кавказского депо:

— Это ведь смотря что поест человек перед работой, потому на питье и тянет.

А жизнь требует свое, вот и глотается вода, добытая черт те откуда: с ведьминого болота, из ручья неизвестного происхождения. Ее рекомендуется процеживать сквозь зубы, на предмет задержания инфузорий. И вот уже в бурчание рации вклинивается бурчание желудков бригады. Подсознательно уводится взгляд от светофора в сторону санузла, который на электровозах существовать-то существует, но условно, поскольку практически не действует.

— Пользоваться санузлами нельзя, — объясняет Е. Ф. Карпенко. — Устройство их для этого неподходящее. Изменить устройство? Вряд ли...

Во лбу локомотива проверчены две дырки, при быстрой езде ощутим оттуда ветерок. Не проще ли обычный вентилятор?

— Не положено, — качает головой Карпенко. — Только зимой, против замерзания стекол.

Жара, пыль. Помощник усердно подметает примитивной щеточкой драный линолеум пола. Почему не пылесосом?

— Пылесос положено, — кивает головой Карпенко. — Но нецелесообразно. Ломаются. Щетка лучше.

На удивление быстро решает начальник депо все наболевшие вопросы.

— А сверхурочные в таких условиях бригадам положены?

Что тут ответить? С одной стороны, явное беззаконие, а с другой — что уж, ребята крепкие, потерпят. Очень просто, как в песне:

Железная дорога, характеры крутые,
Дорога-то железная, а люди золотые...

Но впереди — Батайск. Здесь бригада, сдав смене поезд, уйдет отдыхать в бригадный дом. Чистые пижамы, освежающий душ, белизна постельного белья. Правда, не хватает коек, и выстраиваются золотые люди в очередь...

Нет и столовой, вернее, есть она, но заелись, видать, не посещают ее локомотивщики. Чего-то вкусного желают, разнообразного. Традиции плохих обедов у поваров настолько крепки, что может возникнуть заманчивое рацпредложение: вымыв, использовать пустующий зал столовой под дополнительную площадь для кроватей. Надежный и экономичный выход: спящий о хорошем обеде не думает.

Дисциплина. Люди отдыхают. Курить, шуметь воспрещается.

Газеты читать можно. Вот что пишут «Огни Кубани»:

«Один за другим прибывают в парк «Г» станции Кавказская грузовые поезда. Но здесь они долго не задерживаются. Работники пункта технического осмотра вагонного депо быстро осматривают их, устраняют дефекты. И поезда снова отправляются в путь».

СПРАВКА. Поезд, на котором ехал ваш корреспондент, из-за неготовности простоял в Кавказской два часа.

Посмеялись бы машинисты, да нельзя: отдыхают люди.

Тихо вокруг, и только вполголоса мурлычет кто-то под окном куплет по мотивам Маршака:

Закричал он: «Что за шутки?
Еду я вторые сутки
И приехал, наконец,
Из Батайска в Тихорецк».

Это фольклор, на документальность не претендующий. Потому что от Батайска до Тихорецкой — 169 километров, а поезд проходит их за девять-десять часов.

ВОПРОС ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ. Какова производительность труда на этом участке, если скорость, предусмотренная для грузового поезда,— 80 километров в час?

ОТВЕТ. Чего уж там... Последнее место в Союзе занимает Северо-Кавказская дорога по использованию локомотивов.

Отчего же так?

Один из главных недостатков — дремотное отношение к квалифицированным кадрам. Уходят ежегодно десятки опытных помощников машинистов. Вроде бы и не проблема: другие придут на их место. Ну, более зеленые, так научатся...

А почему уходят? Причины просты, как амеба. Вот вместо наинужнейшего молодежного общежития воздвигнут крытый гигант-бассейн. Пользы бассейна отрицать не будем, все же не кафешантан, однако — по-хозяйски ли?

Внедрили личные графики бригад — кому когда работать. Внедрили на бумаге, а на деле:

— День рождения у меня,— сетует один.— Выбрал свободный вечер, гости ботинки начищают, жена закусь раскладывает. А первым-то гостем оказался посыльный из депо, в рейс вызывает. Гости, выходит, в дом, а хозяин — из дома!

Поддакивает второй:

— Да, у нас отдых не спланируешь. То ли дело — в слесаря податься...

Третий добавляет:

— И отдыхать-то сколько положено не приходится. Все время переработки. Устаешь очень.

То же и с движенцами. Опытный дежурный по станции, умеющий до тонкостей управлять идущими составами,— такая же редкость, как вкусный обед в Батайском бригадном доме. Чаще встречаются такие сценки:

— Дежурный! — кричат составители поездов на Тихорецкой. — Разборку от Батайска не бери, смену кончаем!

Это значит: пустит дежурный на станцию состав — попадет им за простой. Не пустит — не попадет.

Томится поезд у красного света перед входом на станционные пути, дожидается другой смены составителей. Въезжая, наконец, видит машинист: четыре пути пустуют. Справедливо возмущается он, хватает трубку рации:

— Дежурный, что же ты меня мурыжил, ведь станция свободна?

— А я так и знал, что ты меня об этом спросишь,— забавляется своей проницательностью дежурный.

Разговор окончен, ой, не скандаль, машинист, ибо лениво припугнет дежурный:

— Стоять будешь у меня до посинения.

А существует и веселая ведомственная канитель. Не раздумывая, выгодно или нет, первыми пустит диспетчер Ростовского отделения свои, ростовские, поезда. Кавказские подождут. Но едва первым же колесом заедет ростовский состав в вотчину Кавказского отделения, и — око за око! — встретит его торжествующий красный сигнал...

Есть хорошие пункты в соцобязательстве машиниста:

Провезти столько-то груза сверх нормы...

Сэкономить столько-то электроэнергии...

Повысить на столько-то производительность труда...

Вздыхает машинист: как провезти больше груза, если красный сигнал на пути? Как экономить энергию, если остановят тебя на подъеме, и потом, чтобы стронуться, раскочегаривай электровоз на всю катушку? И не от этого ли зависит производительность?

* * *

В модерновом отеле «Кавказ», куда за полночь возвратится из рейса корреспондент, тишина, уют. Чистая постель призывает к отдыху, но преодолеет корреспондент минутную слабость и, смахнув с письменного стола излишек тараканов, сядет записывать неостывшие впечатления.

...А в ночи по-стефенсоновски ползут очередные поезда, и полная луна дублирует желтый диск светофора. Безответственно пляшут бабочки в луче электровозного прожектора. У них, у бабочек, нет строгих инструкций МПС по движению, и естественно, что они разбиваются.

— Красный, — говорит помощник.

— Красный, — откликается машинист и кладет усталую ладонь на рукоятку тормоза.

Северо-Кавказская железная дорога.

Рисунок автора.

Михаил АНДРАША, специальный корреспондент Крокодила

КТО ОБЖИГАЕТ ГОРШКИ?

Поезжайте в Самарканд, дорогой читатель! Там красочный восточный базар. Там Сиабский рынок. Обратите внимание на торговые павильоны. Своим изяществом торговые павильоны на Сиабском рынке затмевают выдающиеся сооружения эпохи Тимура. Гений архитекторов из Узбекского научно-исследовательского и проектного института градостроительства, помноженный на золотые руки строителей треста № 150, воплотился здесь в керамике, мраморе и бетоне. Боже мой! Где еще увидишь, чтобы место кооперативной торговли было отделано мрамором, будто подземные дворцы метро, причем без ущерба для дворцов, ибо здесь мастерски использованы отходы мраморного производства, обливные кирпичики и каменные орнаментированные кружева, как в мавзолеях Шахи-Зинды?

В соответствии с вековыми традициями возле базара работают ремесленники — лучшие из лучших. Мастера молотка и напильника, мастера горна и иглы, медники, кузнецы, резчики по дереву и мрамору, сундучники и люлечники. Руководит ремесленниками высокочтимый Совет, в который входят, кроме старых мастеров, самаркандские писатели, поэты, ученые. Город снабжает своих мастеров всем необходимым.

Здешние ремесленники и народные умельцы любовно обучают своему мастерству подрастающее поколение. Труд ремесленника в Самарканде равнозначен труду художника...

— Позвольте, где это вы видели такой рынок и такие ряды ремесленников? — слышу я недоумевающие голоса самаркандских читателей «Крокодила».

Дорогие читатели! Описанный здесь восточный базар — утопия и только в качестве таковой имеет право на существование.

Что такое утопия?

Утопия — это когда перед вами лежит акт об аварийном состоянии недавно возведенного торгового павильона на Сиабском рынке, а вы поете хвалу гениям из УзНИИПа и строителям из треста № 150. Первые допустили просчеты в проекте, а вторые из рук вон плохо построили. И другой торговый павильон, близнец первого, отличается забвением каких бы то ни было национальных традиций и наплевательским отношением к имеющимся отходам мраморного производства.

Утопия — это когда вам показывают керамический цех с допотопным технологическим процессом, обещая его модернизировать, а вы торопитесь возвестить миру о глубокой любви руководителей местпрома к искусству гончаров. Кстати, бросается в глаза разница между гончарами, находящимися в ведении Художественного фонда, и гончарами, подчиняющимися местной промышленности. Первые при всех имеющихся недостатках лучше обеспечены материалами, имеют учеников, здесь развиваются художественные направления. Вторые, то есть гончары местпрома, отданы на откуп переменчивой судьбе.

И, наконец, упомянутый выше Совет ученых, писателей и ремесленников — тоже утопия, плод авторского воображения, разгоряченного среднеазиатской жарой. Нет такого Совета в природе, а есть лишь Управление местной промышленности, заинтересованное в изготовлении уличных светильников, значков и прочей немудрящей продукции.

Несколько лет тому назад автор писал хвалебные рецензии на тюбетейки бухарских мастеров и обходил острые углы ремесленного производства. Автор хвалил мастерство гиждуванских кузнецов и ковровщиц, закрывая глаза на отдельные недостатки. Прославлял бухарских сундучников и люлечников, самаркандских гончаров и медников, делая вид, что все они не испытывают трудностей — с материалами, с инструментом, с учениками. Каюсь. Я был заворожен умелостью мастеров, покорен ручным трудом, который еще не успели расчленить на простейшие технологические операции.

Спросите бухарского ремесленника, работающего в кузнечной мастерской, кто снабжает его материалами, и он ответит:

— Немного дает нам горпромкомбинат, а большую часть нам поставляет шайтан через свою торговую сеть...

— Кто обеспечивает вас инструментом?

— Горпромкомбинат на пару с шайтаном...

Подле описанного выше Сиабского рынка сидит единственный медник. Старый человек, он представляет здесь некогда обширную корпорацию медников. У него нет ни учеников, ни восторженных поклонников. Из жалких остатков двух кувшинов 18 и 19 столетий он мастерски спаивает совершенно новый кувшин середины нашего века. И кувшином этим тоже можно гордиться, его надо показывать на выставке, потому что он сработан виртуозом.

Это последний из последних самаркандских виртуозов-медников.

Потрепанное слово «кустарь» как бы отпугивает от ремесленника представителей государственных организаций. То есть именно тех, кому надлежит заботиться о народных промыслах.

Старый медник показал мне, где раньше в Самарканде были ряды ювелиров, резчиков по дереву, чеканщиков. Нет, это был не примитивный ручной труд! Это была копилка трудовых навыков народа. Сейчас рядом с медником работают несколько неразговорчивых кузнецов и жестянщиков да мастер, изготовляющий детские люльки — в пику халтурным кроваткам со штампом мебельной промышленности.

В любой вышестоящей организации, осуществляющей руководство ремесленниками, вам покажут Гран-при и перелистают Книгу похвальных отзывов. Изделия самаркандских и бухарских мастеров на выставках пленяют взоры. Вот, допустим, одного гончара, народного умельца, приняли в прошлом году в члены Союза художников. Почетно. Приятно. Ему, его семье, всем! О нем теперь будет заботиться Союз.

Но как быть остальным — тем, кто не получил знаменитой премии, кто изо дня в день кует, паяет, лепит, вытачивает, шьет, делая нашу жизнь удобнее и красивее?

Самарканд — Бухара.

ТЕЛЕУГОЛОК

Рисунок В. ШКАРБАНА

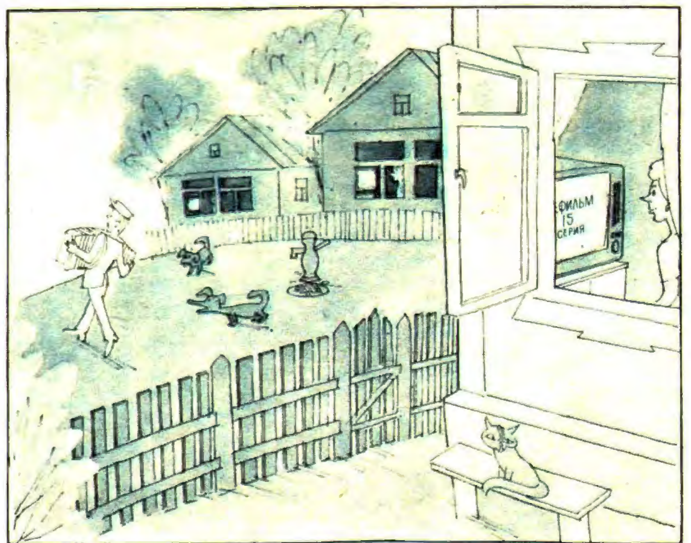
Бархатный сезон.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Встаньте вон туда.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Одинокая гармонь.

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

ПЕРЕПЕВЫ

В. БУДЯНСКИЙ

Заплаканное мужество

Я плакал от обиды...
...на грани слез
держась едва-едва.
Так плачут
астрономы
и поэты,
философы,
артисты
и врачи...
Когда грустят серьезные,
солидные мужчины...
Мне стало грустно
просто так,
без видимой причины.
Сергей ИОФФЕ.

Рыдает, мастер —
подгулял участок.
Боксер рыдает —
получил под дых.
А муж соседки
плачет очень часто,
что много есть
соседей молодых.
Я в тех слезах
повыквасил страницы.
Я в тех слезах
все брюки промочил...
Рыдают
прокуроры,
проходимцы,
философы,
артисты
и врачи.
И пусть их веки
вздулись, словно сливы,
и нос покрыла
синь и бирюза —
воинственно люблю
мужчин плаксивых,
что женщин перегнали
по слезам.

г. Иркутск.

Юрий ШАНИН

Маскарад

...Слышен топот бахил —
Все никак черепаху
Не догонит Ахилл...
Евгений ВИНОКУРОВ.

От штиблет до рубашки
Не пижон и не мот,
Исправляю промашки
Исторических мод.

Всех спартанцев когорты
Я в калоши обул,
Древних римлян — в ботфорты!
(Чертыхался Катулл).

Плащ-палатку Сократу
Дал на случай грозы,
Ну, а Рабиндранату —
Сапоги из кирзы.

Были греки не хилы,
Но, вспоён молоком,
Я Ахилла в бахилы
Обуваю силком.

Патриарх в камилавке
(Почему — не пойму)
Все ворчал, что, мол, плавки
Не по сану ему.

Осчастливлю камзолом
Или дам по плащу,
Но уж по миру голым
Никого не пущу!

г. Киев.

— Ну вот и муза явилась...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Салях КУЛИБАЙ

Рассказ

ЭФФЕКТ ТОЛСТОГО

В одном ничем не примечательном кафе сошлись два литератора. Разговорились. Вскоре беседа свернула на знакомую обоим тему и пошла петлять по профессиональной колее.

— Слушай,— сказал романист, берясь за пуговицу на пиджаке новеллиста,— зачем ты убиваешь время на пустяки? Ну что ты распыляешься на эти мелкие рассказики да повестушки? Сотворил бы нечто солидное, объемное, весомое...

— Оно, конечно, можно бы, — пожал плечами новеллист,— да вот со временем туговато.

— А вот возьми Льва Толстого. Сколько написал этот граф! А ведь и в ту эпоху сутки состояли из двадцати четырех часов.

— Сравнил! Это же Толстой. Глыба. Старик знал цену времени. Во-первых, он не имел обыкновения бриться. А мы что делаем? Каждый божий день спозаранку принимаемся скоблить с лица щетину. Сколько времени отнимает эта ежедневная процедура! Сядешь бриться — полчаса долой!

— М-да-а, это ты верно подметил. Пожалуй, брейся Толстой каждый день, написал бы не больше нашего...

И творческая мысль литераторов затрусила по арифметическому руслу: они принялись вдохновенно подсчитывать время, затраченное ими на бритье. Сколько затрачено за месяц, потом за год, за десятилетие... Набралось порядочно.

— Вот тебе и тридцать минут! — воскликнул новеллист с таким видом, будто открыл новую Галактику. — Выходит, только на одном бритье мы с тобой потеряли «Войну и мир» да плюс повесть размером не менее «Хаджи Мурата»! Ужас! К тому же не забывай, что у Толстого, в сущности, только и было делов, что писать да писать. Ни тебе заседаний, ни собраний, а уж о читательских конференциях и говорить нечего. А развлечения? Ни телевизора, ни футбольных чемпионатов... Поневоле от письменного стола не отклеишься...

— Ну, это уж ты слишком! — перебил его романист.— Ведь он ходил на охоту, даже пахал. Воду от колодца на санках возил. Даже повоевать успел. А между прочим, тогда ни домов творчества, ни творческих командировок не было. А все-таки писал ведь!

Припертый к стенке этими доводами, новеллист окончательно сник и после тягостного молчания с отчаянной решимостью в голосе произнес:

— Ну, от собраний да заседаний нам, конечно, не отбояриться. А все же резервы времени изыскать можно. Все, брат! Ты как знаешь, а я с завтрашнего дня перестаю бриться!

Литераторы расплатились с официанткой, поднялись из-за стола и степенно зашагали в сторону стадиона, чтобы всласть «поболеть» на очередном футбольном матче.

Перевел с башкирского Сагит САФИУЛЛИН.

Г. МАРЧИК

Рассказ

ВИЗИТ ИНСПЕКТОРА

В книжном магазине переполох.

— Ах, боже мой! — кричит в отчаянии заведующая.— Сколько вам надо говорить, чтобы выровняли книги на стеллажах! Петрушина, вы меня до обморока доведете...

— А что такое, Нина Тимофеевна? — удивляется продавщица Петрушина.— Чего вы волнуетесь?

— Куда запропастилась книга спроса и предложений?

— Какого спроса, Нина Тимофеевна?

— Как какого? Книга учета заявок покупателей.

— Так бы сразу и сказали. А я на нее чайник поставила.— Петрушина, искренне негодуя, вытаскивает из-под чайника тетрадь и бросает ее на прилавок.

Собственно, больше всех суетится и волнуется сама директор магазина Нина Тимофеевна. Продавцы же олимпийски спокойны. И это-то спокойствие возмущает Нину Тимофеевну. «Какие все-таки равнодушные люди», — с огорчением думает она, вглядываясь в недвижные фигуры продавщиц. Которых вместе с ней и кассиршей всего пять единиц.

Смятение директора легко понять. Утром ей сообщили, что магазин посетит инспектор книготорга. Нина Тимофеевна всего лишь полгода работает директором, и ей, естественно, не хочется ударить лицом в грязь. Ей кажется, что она забыла что-то очень важное, и время от времени она силится вспомнить, что же еще надо сделать.

Весь день ее неотступно преследовал образ таинственного инспектора.

Грозный посетитель виделся ей высоким, осанистым, степенным. Блестящим знатоком литературы. Она заранее робела перед ним и терялась при одной мысли о том, что не сможет ответить на какой-нибудь каверзный вопрос.

Вечером она долго сочиняла тезисы предстоящей беседы. Особенно трудно давалась первая фраза. Она достала листок бумаги. «Рады приветствовать вас в нашем магазине»,— написала она. «Нет, слишком высокопарно»,— подумала Нина Тимофеевна и зачеркнула написанное. «Очень приятно, что вы посетили наш магазин». Нет, нет, тут что-то заискивающее. «Надеюсь, ваше посещение имеет целью не только выискивание недостатков, но и помощь». Какое-то самоуничижение... После долгих раздумий первая фраза наконец удалась. «Здравствуйте. Рада с вами познакомиться». Да, пожалуй, так будет лучше всего. Просто и вежливо. А он ответит: «Мне тоже доставляет удовольствие познакомиться с вами и вашим коллективом». «Да,— ответит она,— коллектив у нас хотя и маленький, но дружный».

Нину Тимофеевну увлекла воображаемая беседа — у нее получился настоящий сценарий. Отвечать на вопросы инспектора доставляло Нине Тимофеевне истинное удовольствие. «Как идет научно-техническая литература?» — непременно спросит высокий гость. Она ответит: «Прекрасно. В этом знамение времени. Научная и техническая литература идет нарасхват. Вот пример: только за месяц ее продано на десять тысяч рублей». Потом они коснутся проблемы затоваривания. Запросов покупателей.

Нина Тимофеевна работала допоздна. Несколько раз проштудировала сценарий. Утром она снова дважды пробежала текст и осталась довольна: ее реплики были деловиты и содержательны.

Всю первую половину дня Нина Тимофеевна с беспокойством поглядывала на входную дверь, ожидая появления инспектора. Тот заявился, как и положено ревизору, в самый неподходящий момент, когда она отчитывала за какую-то мелкую провинность все ту же Петрушину. В это время Ниточкина, высокая, худая продавщица, безо всякого предупреждения и подвела к ней незнакомого мужчину.

Нина Тимофеевна сразу догадалась, кто он, смутилась и покраснела, но быстро овладела собой и с достоинством поздоровалась:

— Здравствуйте, рада с вами познакомиться.

— Здравствуйте, — сдержанно сказал мужчина.— Я Санников Евгений Павлович, инспектор торга. Вам звонили?

— Да, да.

Евгений Павлович был важен, как енотовая шуба, немногословен, как экзаменатор, на его лице отсутствовало какое бы то ни было выражение. Его безучастность и отрешенность вначале даже шокировали Нину Тимофеевну, но потом она приободрилась.

Она провела Евгения Павловича к себе в кабинетик и целых пятнадцать минут говорила сама, ни разу не запнувшись и не остановившись. Наконец, инспектор сдержанно улыбнулся и почему-то дернул себя пальцами за ухо.

— Извините, я, к сожалению, ограничен во времени.— Он уставился на нее и снова замолчал.

Нина Тимофеевна подумала, что это, пожалуй, к лучшему, но комкать сценарий беседы, так тщательно разработанный, было выше ее сил.

— Да, — повторила она свою последнюю фразу.— Коллектив у нас действительно маленький, но дружный.— Нина Тимофеевна вспомнила упрямую Петрушину, молчаливую Ниточкину и сварливую пожилую кассиршу Мариванну.

— Вас, наверное, интересует, как идет научно-техническая литература? — азартно спросила она.

Гость едва заметно приподнял левую бровь. Нина Тимофеевна приняла это за согласие и горячо продолжала:

— Она идет прекрасно, прямо нарасхват! В этом знамение времени...

При каждом вопросе, который вместо инспектора задавала себе Нина Тимофеевна, он чуть-чуть поднимал левую бровь, что придавало его лицу выражение некоторой удивленности и еще больше вдохновляло Нину Тимофеевну. Все же минут через десять она деланно спохватилась:

— Ой, что это я заболталась!.. Может быть, вам интересно вовсе не это, а что-то другое? Если вы спешите, я вас хотя бы бегло познакомлю со стендами, которые мы изготовили к празднику.

— Что ж, пожалуйста,— с кислой любезностью согласился инспектор и снова потрогал пальцами свое левое ухо.

Нина Тимофеевна с новой энергией принялась выкладывать фактические данные. В ее голосе — говорила ли она об издательствах или книготорговых базах, покупателях или авторах книг — звучали восторг и гнев, горечь и нежность. Евгений Павлович был терпелив. Наконец, когда поток огнеметного красноречия Нины Тимофеевны стал иссякать, он деликатно осведомился, нельзя ли подобрать для него что-нибудь свеженькое из художественной литературы. Нина Тимофеевна едва не подпрыгнула.

— Конечно, можно, Евгений Павлович!

Одну за другой, ласково заглядывая инспектору в глаза, она предлагала ему дефицитные книги классиков литературы, за которыми охотились самые завзятые книголюбы. Евгений Павлович брал из ее рук книгу, небрежно заглядывал в середину и в конец — при этом его левая бровь опять как-то по-кошачьи подпрыгивала и изгибалась — и возвращал книгу Нине Тимофеевне.

— У вас она уже, вероятно, есть,— мгновенно догадывалась Нина Тимофеевна.— Найдем другую.

Когда ее уже начала охватывать тихая паника, гость обратился к ней со смущенной улыбкой:

— Не утруждайте себя, пожалуйста, Нина Тимофеевна. Классиков я изучал в школе. Дайте что-нибудь полегче. Я, знаете ли, детективчики очень уважаю...

У Нины Тимофеевны все так и оборвалось внутри. Машинально она продолжала улыбаться, предложила несколько приключенческих книжиц, из коих он выбрал две, потом проводила Евгения Павловича до входной двери, поблагодарила за визит, за интересную беседу и пригласила заходить снова. Потом она прошла к себе в кабинетик, заперла дверь на ключ, вынула из ящика стола сценарий беседы с инспектором и, не торопясь, разорвала его на мелкие клочки.

Среди шутников

АНЕКДОТ И ЖИЗНЬ

Дорогой Крокодил! Как-то я читал на твоих страницах такой анекдот (воспроизвожу по памяти):

— Официант,— недовольно говорит посетитель ресторана,— этот волос я обнаружил в супе.

Официант:

— Вам этого мало? Может, вы хотели, чтобы я подал вам суп с шиньоном?

Анекдот мне вспомнился, когда я был в командировке в г. Данилове. Зашел с товарищами пообедать в столовую недалеко от вокзала. Один из нас нашел в тарелке со щами загнутый гвоздь длиной сантиметров 6—7 и сказал об этом раздатчице. Она ответила:

— А ты что, хочешь, чтобы тебе за тридцать копеек шпалу положили?

Г. Сидоров, г. Ярославль.

Внимание, новинка!

ЗАТО БЕЗОТКАЗНА...

Зажигалкой, которая нарисована в 22-м номере (см. иллюстрацию к разделу «Мимоходом»), очень легко обжечь пальцы, когда высекаешь огонь. Чтобы этого не было, колпачок зажигалки должен откидываться в другую сторону.

А. Никитин, г. Челябинск.

Уважаемый тов. Никитин, хотя в нарисованной художником зажигалке действительно есть подмеченный вами конструктивный недостаток, зато в отличие от многих реальных зажигалок, на качество которых мы частенько получаем жалобы, она работает безотказно.

К слову о словах

ВО ЩИ ИЛИ В ОЩИП?

Б. Привалов в фельетоне «Али-Баба и сорок разбойников» (№ 14) пишет: «...Попал в их компанию, как известный кур в известные щи...»

Между прочим, с курятиной варят лапшу, супы, но только не щи. Так что Б. Привалов явно попал, как кур в ощип (именно так надо говорить и писать).

А. Петраш, г. Челябинск.

Аналогичные замечания высказали **О. Синачин (г. Ярославль), Л. Крайнов (г. Ленинград)** и другие читатели.

Уважаемые товарищи, на ваши реплики отвечает заведующая редакцией русского языка издательства «Русский язык» тов. Гороховникова:

«Все толковые словари современного русского языка дают поговорку только в форме «попал как кур во щи». Форма «в ощип» является более старой».

Позвольте в связи с этим выразить надежду, что если нам и впредь придется иметь дело с этой коварной поговоркой, то уж ни авторы журнала, ни читатели больше не попадут, как кур в... это самое... ну, в общем, ясно...

Поиски и заблуждения

О ГЕНРИ!

Е. Можаев из г. Воскресенска, некто А. П. из г. Серпухова и некоторые другие читатели с возмущением пишут нам, что в фельетоне «Завистливое око» (№ 17) допущена ошибка. «Не было писателя О. Генри, а был О'Генри»,—заявляет Е. Можаев.

Увы, увы! До сих пор иные редакторы и издатели ставят апостроф там, где сам Уильям Сидни Портер ставил точку. Именно эта их беспечность и нежелание заглянуть в энциклопедию и вводят в заблуждение почитателей талантливого американского юмориста.

Так что все-таки — «О. Генри», уважаемые читатели, но никак иначе. И точка!

— Зря панику подняли! У вас ничего страшного нет.

Рисунок **Е. ЩЕГЛОВА**

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«СЕГОДНЯ НОЧЬЮ И ЗАВТРА ДНЕМ В КРАЕ ОЖИДАЕТСЯ СОЛНЕЧНАЯ ПОГОДА».

(Из телепередачи).
Записала Н. Золотухина, Краснодарский край.

Зоя Григорьевна Шапошникова и ее юная пациентка нашли общий язык.

Газета «Коммунистический путь», Чунский район, Иркутской области.

«Это улица Таяна. Она проходит вертикально улице Воронина и убегает в гору».

Газета «Советский Таймыр».

«Хорошо оборудован пионерский лагерь Старопавловской средней школы. Палатки расположены в живописном месте, в кронах деревьев».

Газета «Серп и молот», Кировский район, Ставропольского края.

«Большинство рабочих нашего завода учится в школе вечерней молодежи».

(Из телепередачи).
Записал Д. Сухарев, г. Москва.

Годен к употреблению: автомобилями без ограничения тоннажа, легковыми автомобилями мотоциклами, троллейбусами, трамваем [ненужное зачеркнуть].

(Из бланка личной карточки водителя).
Прислал Л. Николенко, село Тарановское, Кустанайской области.

Вячеслав АСТАХОВ

Эх, дядя!..

Дядя Коля работает бухгалтером. Поэтому он любит читать своим племянникам нравоучения о пользе экономии времени и средств.

Особенно достается им, когда приходят вечером с улицы потные, взлохмаченные, с порванными штанами. Дядя расхаживает по комнате и отчитывает их:

— Во всех делах и поступках первое дело — расчет...

Однажды в воскресный день ребят попросили сидеть тихо: дяде необходимо к понедельнику написать важные бумаги со сложными расчетами. Дядя сидел у себя в комнате и скрипел пером.

А напротив дома волонтеры уличного комитета чистили общественный колодезь. У них что-то не ладилось. Сломанный ворот не позволял вытащить бадью с человеком из колодца. Все шумели, суетились, канат срывался, и из тьмы колодца, как из преисподней, доносились всплески воды и отборные ругательства.

В общем, срочно потребовалась дополнительная сила — тянуть канат. Дядя не выдержал, отставил работу и поспешил на помощь.

Наконец все стало на место: канат надежно закреплен, ворот установлен, и на поверхность вытащен колодезных дел мастер Филимон — мокрый, посиневший, чертыхающийся направо и налево. Тут вся бригада — к дяде:

— Николай Иваныч, мы в робах, нам нельзя. Скатай в магазин, привези горячительного. У Филимона зуб на зуб не попадает.

Дядя, уже втянувшись в круговерть спасательных работ, отказываться не стал, сел на велосипед и покатил.

Вскоре началось отогревание Филимона. А через некоторое время из соседнего сада сначала тихо, а потом, набирая мощь, зазвучала песня. Причем в хоре певцов дядин тенорок звучал не глуше других...

Вечернее солнце стало садиться за макушки деревьев. По дороге потянулись лиловые тени, спотыкаясь о которые шел дядя в сопровождении Филимона. Они часто останавливались и выкрикивали что-то клятвенное и проникновенное.

Потом дядя сидел на кухне в майке: рубаху он где-то оставил. Филимон расположился рядом на полу. Дядя говорил заплетающимся языком:

— Во всех делах и поступках первое дело — дружба...

А племянники заглядывали в дверь кухни, хихикали и перемигивались.

На другой день дядя не читал им нравоучений о пользе экономии времени и средств. Хотя они и вернулись с улицы, как всегда, потные, взлохмаченные, с порванными штанами.

Ивановская область.

ПРОЧИТАЛ Я ЭТУ НЕВЕСЕЛУЮ ИСТОРИЙКУ И ПОДУМАЛ: ХОТЯ И УПАЛ ОЗНАЧЕННЫЙ ДЯДЯ НИКОЛАЙ ИВАНЫЧ В ГЛАЗАХ СВОИХ ПЛЕМЯННИКОВ, ОДНАКО, НАДО СКАЗАТЬ, ЕЩЕ ЛЕГКО ОТДЕЛАЛСЯ. ИБО ВОДКА, КАК ИЗВЕСТНО, МОЖЕТ СЫГРАТЬ С ЧЕЛОВЕКОМ КУДА БОЛЕЕ ЗЛЫЕ И ПОДЛЫЕ ШУТКИ.

КОМУ ИЗ ВАС, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ВСПОМНЯТСЯ ТАКИЕ СЛУЧАИ, ИЗЛОЖИТЕ ИХ В ПИСЬМЕ НА МОЕ ИМЯ. РЯДОМ С АДРЕСОМ РЕДАКЦИИ НА КОНВЕРТЕ СДЕЛАЙТЕ ПОМЕТКУ: «ПОД УГЛОМ 40°».

КРОКОДИЛ

ДВАЖДЫ ПРИГОВОРЕННЫЙ

Южнокорейский поэт Ким Чжи Ха в 34 года был приговорен к смерти дважды. И дважды приговор заменяли пожизненным тюремным заключением.

В чем вина Ким Чжи Ха? Только в одном: он выступает за освобождение своей родины от продажного диктаторского режима.

После первого приговора Ким Чжи Ха под влиянием протестов международной общественности был освобожден. Диктатор Пак Чжон Хи всеми силами пытался «приручить» поэта, сделать его придворным певцом или хотя бы нейтрализовать. Но старания оказались тщетными. Вскоре опального стихотворца схватили снова и снова осудили. Ныне он томится в застенках южнокорейского гестапо.

Стихи молодого борца запрещены сеульской кликой. Она именует творчество поэта «подрывной коммунистической деятельностью». Когда один из журналов Южной Кореи напечатал несколько его стихотворений, журнал был закрыт, а сотрудники брошены за решетку. Но произведения Ким Чжи Ха тайно переписываются и передаются из рук в руки.

В своих поэмах «Пять разбойников», «Слухи», «Испытание» поэт бичует марионеток Сеула, говорит о своей решимости продолжать борьбу.

«Раньше я хотел быть священником и верил в непротивление злу насилием. Теперь я поэт. Поэт не кабинетный, а поэт-агитатор». Эти слова принадлежат Ким Чжи Ха.

На XV сессии Постоянного бюро ассоциации писателей стран Азии и Африки Ким Чжи Ха был удостоен премии «Лотос» за большой вклад в борьбу за свободу, мир и социальный прогресс.

Впервые стихи Ким Чжи Ха были напечатаны во втором январском номере «Крокодила» за нынешний год. Эта публикация, как и нынешняя,— первые переводы произведений Ким Чжи Ха на русский язык.

Поэт широко пользуется сравнением, метафорой, аллегорией. Так, в стихотворении «Канатоходец» в иносказательной форме повествуется о судьбе демократически настроенной молодежи, выступающей против южнокорейских правителей.

Придет день — под напором народного негодования распахнутся двери сеульских темниц, и поэт-борец, поэт-демократ обретет желанную свободу.

Канатоходец

Иду по канату,
Скольжу, но иду —
Как в детстве когда-то
По тонкому льду.
Года за плечами —
Безрадостный груз,
Но я с циркачами
Шагать не боюсь.

Не тронет рыданье
Сухие уста:
Привычно страданье,
И совесть чиста.
Эй, друг-барабанщик,
Греми, не молчи:
Смеши, балаганщик,
Ведь мы — циркачи!

Как прадеды наши,
Пешком, налегке
Отправимся маршем
В Намко и Хвакэ.
Скользя, не споткнемся:
Наметан наш глаз.
А если сорвемся —
Единственный раз.

Иду по канату,
Нет хода назад:
Вокруг акробата —
Бушующий ад.
Жестокая участь
С пеленок нас ждет.
Я прыгаю, мучась,
Но только вперед.

Властитель — обманщик,
В судах — палачи...
Греми, барабанщик,
Ведь мы — циркачи.
Опять улыбнемся
И пустимся в пляс.
А если сорвемся —
Единственный раз.

Перед рассветом

Я крадусь неприметно по улицам синим,
Мимо зданий, забывшихся в тягостном сне,
И твое, Демократия, гордое имя
Несмываемой краской пишу на стене.

Рот заткнули тебе, чтобы сделать послушной,
С пьедестала бесстыдно согнали пинком,
Только память, мучительно жгущая душу,
Заставляет писать твое имя тайком.

Где-то рядом, в туманном, слепом переулке,
Неожиданно шум у подъезда возник.
Слышен топот сапог беззастенчиво-гулкий,
Стук дверей, и свисток, и отчаянный крик.

Ночь не хочет уйти, распаляется, злится,
Но в сознаньи живет Демократии свет:
Вижу сжатые руки, отважные лица,
Вижу тех, кого в списках живых уже нет.

Расправляется ночь и с друзьями моими,
Их немало за черной решеткой в окне...
Но твое, Демократия, гордое имя
Несмываемой краской пишу на стене.

Возмущенье в груди нарастает, клокочет.
Возмущенье, набатом уснувших буди!
О рассвет, сокруши злодеяния ночи,
Демократия, здравствуй! Воспрянь! Победи!

Есть хотим!

В деревне голод — страшная пора...
Мы жадно воду пьем из родников,
Готовим в поле суп из сорняков,
А на второе — смрадный дым костра.

За ягодкой спускаемся в обрыв,
Срываем ядовитый гриб во рву.
Жуем цветы, и корни, и траву,
На камне дремлем, ветром бок укрыв.

Еда! Другое не идет на ум...
Иметь бы стадо тучное свиней,
Поджаривать кусочки пожирней
И аппетитно чавкать: хрум-хрум-хрум!

Где голодуху утолим свою!
В Сеул кишки пустые повезем,
Там, что ни попадется, все сгрызем:
Скорлупки, кости, рыбью чешую.

В Сеуле длинный ряд особняков,
У них надменный, неприступный вид.
Но голод, говорят, и здесь царит —
Среди тузов, дельцов, биржевиков.

Здесь пожирают сотнями людей —
Их чувства, мысли, мускулы и труд.
Здесь в глотку реки золота текут,
И всласть рыгает алчный лиходей.

Здесь ненасытность, суета и шум,
Здесь музыкой журчат-урчат кишки:
Жуют дельцы, тузы, биржевики
И чавкают с восторгом: хрум-хрум-хрум!

Сеул

На что этот город зловещий похож!
На острый, над жертвою поднятый нож.
И вновь он вонзается в тело, и вновь
Струится по лезвию алая кровь.

О город-проклятье, о город-палач!
Не тронут тебя ни моленья, ни плач.
К домам подползают шпики, как ужи,
И в небе над городом блещут ножи.

Тебя, о Сеул, победить я хочу:
Довольно глумиться ножу-палачу!
Все тело мое и всю душу мою
Без тени сомненья борьбе отдаю.

И если свалюсь я под взмахом ножа,
Не стану просить о пощаде, дрожа.
Пускай превратится кровавый поток
В огромный пылающий красный цветок.

И в красном цветке, как в пучине огня,
Пусть лезвие сгинет, предсмертно звеня.
Кто сердце свое отдает за народ,
Лишь тот побеждает и вечно живет!

Перевел Николай ЭНТЕЛИС.

Маскируясь доводами о «необходимости сохранения равновесия сил в Европе», милитаристы из НАТО продолжают наращивать вооружения.

Выращивают...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Мих. РАСКАТОВ

ТЕСТ

Десятки миллионов фунтов стерлингов затрачиваются ежегодно частными фирмами на промышленный шпионаж, то есть на выведывание производственных и коммерческих секретов конкурентов.

(Из журнала «КПБ ревью», органа Конфедерации британской промышленности).

Гарри Стэн сиял. Все его тридцать два зуба лучились неповторимой белизной и счастьем. Легкие дышали радостью и кислородом. Сердце трепетно сокращалось в ритме новейшего шейка. А по всему молодому телу разливалось тепло от новенького диплома, уютно лежавшего в боковом кармане пиджака.

Гарри уверенно взвился в лифте на двадцать седьмой этаж и, ощущая блаженство от сокращения икроножных и прочих мышц, подлетел к двери отдела кадров фирмы «Веселый Детский Смех». Там, за дверью, начинался путь к вершинам служебной карьеры.

Дверь бесшумно раскрылась, и сияющий Гарри предстал перед руководителем отдела мистером Кобрингом. Мистер Кобринг сидел за столом. Его уши были приплюснуты к голому черепу, как бледные оладьи к холодной сковородке, острый сиреневый нос спускался к подбородку, а глаза были прикрыты фиолетовыми веками в пупырышках.

— Сэр, — воскликнул Гарри, — позвольте представиться: Гарри Стэн, инженер-конструктор детских игрушек!

Элегантным движением Гарри извлек из кармана драгоценный диплом и с достоинством положил его на стол.

Мистер Кобринг на сотую долю секунды приоткрыл один глаз.

— Отлично, — сказал он, скрипя голосовыми связками. — Нам нужны молодые специалисты. Садитесь.

Гарри сжал челюсти, не давая вырваться на волю крику восторга.

— Но мы намерены, — продолжал мистер Кобринг, — испытать вас.

— Плиз! — крикнул Гарри. — Да хоть сейчас! У меня в голове тысячи идей, сэр! Например, проект пластмассовой жабы, говорящей на двух языках и воющей шакалом! Или вот еще: жираф-носорог на батарейках, плюющий, как верблюд! Или бегемот с реактивным двигателем! Или...

Мистер Кобринг снова приоткрыл один глаз, взглядом пришпилил Гарри к спинке стула, как бабочку к листу картона, и проговорил:

— Идеи оставьте себе на память. Вам предстоят испытания иного порядка. У нас свои тесты. И если вы согласны...

— Согласен! — гаркнул Гарри.

— ...тогда приступим.

Мистер Кобринг открыл оба глаза, обдал Гарри ледяной смесью любопытства и подозрительности и нажал невидимую кнопку. В ту же секунду в кабинет вошли трое.

— Экзаменационная комиссия,— сказал мистер Кобринг. — Прошу: мисс Эда Асфиксия, сеньор Джан-Мария де ла Пиранья и мистер Роббер. Итак, тест первый. Ползание с грузом. Ложитесь!

«То есть как это?» — хотел спросить Гарри, но не успел, ибо мистер Роббер бросил его на пол и рявкнул:

— А ну, ползи, инженеришка!

— Три круга под всеми стульями, — уточнил мистер Кобринг.

Гарри хотел заявить, что он человек и не позволит над собой издева... Но перед его глазами возникло скучное здание биржи труда, и он молча полез под ближайший стул...

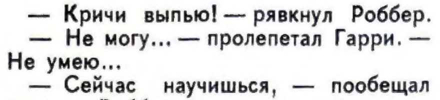
— Тест второй, — объявил мистер Кобринг. — Заглатывание машинописного текста.

Машинописный текст не шел в горло. Гарри едва удалось съесть одну страницу.

— Учись, инженер, — презрительно бросил сеньор Пиранья, схватил какую-то рукопись и стал ее глотать, причмокивая от удовольствия.

— Тест третий. Хождение по карнизу с одновременной подачей условного сигнала — крика выпи. Для первого раза с подстраховкой.

Привязанный за пояс Гарри взобрался на подоконник, закрыл глаза и ступил на карниз. Его качало и тошнило.

— Кричи выпью! — рявкнул Роббер.

— Не могу... — пролепетал Гарри. — Не умею...

— Сейчас научишься, — пообещал мистер Роббер и чем-то остреньким кольнул Гарри промеж ребер.

Чудовищный крик, который издал экзаменуемый, прорезал две ближайших авеню.

— Положим, это какой-то шакал, а не выпь, — поморщился мистер Кобринг, — придется еще поработать. А сейчас покажите нам зубы.

— Так, — заметил сеньор де ла Пиранья. — Пожалуй, два малых коренных и один клык тут ни к чему. Вместо них мы вмонтируем портативный радиопередатчик. Разумеется, если этот тип сумеет еще кое-что — например, ликвидировать без шума своего ближнего.

— Этому я его научу, — проворковала мисс Асфиксия и нежно обняла Гарри тонкой синюшной ручкой...

Когда Гарри очнулся, он увидел склонившиеся над ним обаятельные лица членов экзаменационной комиссии и с надеждой подумал, что все это—страшный сон. Но мисс Асфиксия ущипнула его за щеку и улыбнулась:

— А он ничего. Довольно милый. И еще дышит. Мне он нравится.

— Ладно, — буркнул мистер Роббер.— Для начала сойдет.

— В том случае, если научится лазить по водосточным трубам, прятаться в унитазах и носить в ноздре фотокамеру,— дополнил мистер Кобринг.

— Научится,— ласково сказала мисс Асфиксия, гладя Гарри своей тонкой ручкой. — Хочешь учиться, милый?

— Хо... хочу, — всхлипнул Гарри. — Только скажите, пожалуйста, зачем вам мой диплом?

И тут случилось чевероятное. Уши мистера Кобринга отлепились от черепа, сиреневый нос приподнялся, обнажились мелкие острые зубы и раздалось прерывистое шипение — мистер Кобринг смеялся! И сразу же захихикала мисс Асфиксия, захехекал сеньор де ла Пиранья, захохотал мистер Роббер.

— Диплом, — шипел мистер Кобринг, — как вам это нравится — диплом? Да на кой черт нам нужен ваш диплом, юморист вы этакий!.. Нам нужно знать, что делается у конкурентов! Нас интересуют секреты фирмы «Детки и предки»! И нам необходим человек на штатную должность агента-универсала! Вы поняли, мистер Наивный Дурачок с Дипломом?

ПРИЗЫВНОЙ ПУНКТ

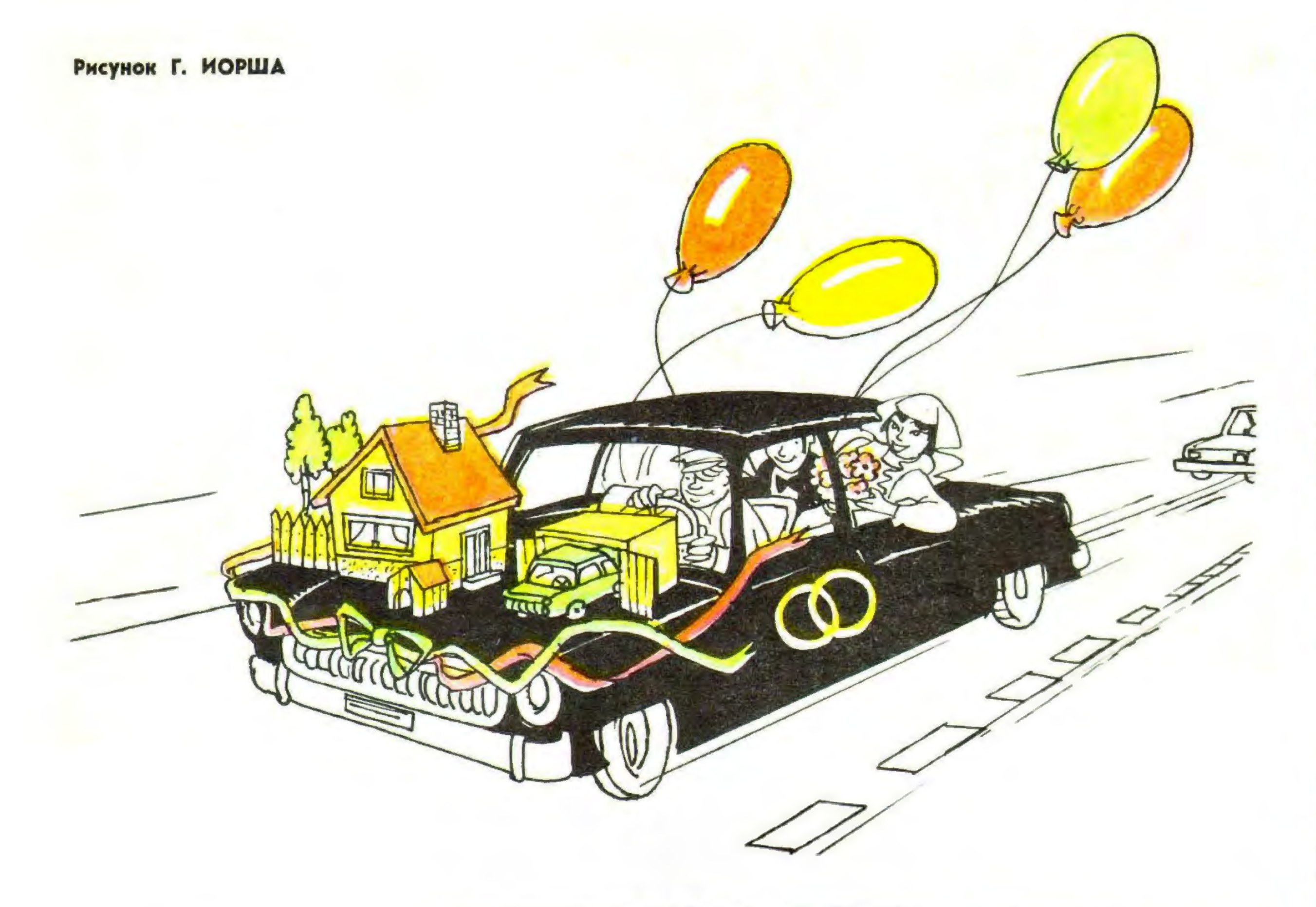
Только с 1973 года военные расходы Израиля возросли в четыре раза.

ПРИЗЫВНИК

Рисунок Е. ГУРОВА

Рисунок Г. ИОРША

Р. КИРЕЕВ

БЫТЬ СОВЕРШЕННЫМ!

Шутка

Слушайте! Я вам скажу серьезно:
Я хочу быть — вровень
с веком! —
Совершенным человеком,
Но стоит преградой селезенка.

Было время, вы уж мне
поверьте,
Что тому мешали очень
Печень, легкие и почки,
Пуще ж всех препятствовало
сердце.

Час пришел, оно забарахлило.
Для науки что тут ново?
Чик-чирик! Взамен живого
Всунули из полихлорвинила.

Изловчились делать это тонко.
У меня теперь все стало
Из пластмассы и металла,
Лишь своей осталась селезенка.

Слушайте! Теперь я всем
доволен.
Говорят, что быстротечна
Наша жизнь. А я навечно
Заанестезирован от боли.

Только селезенка вот подводит.
Возмущаюсь я: доколе
То исподтишка уколет,
То заноет тихо к непогоде?

Селезенка, а болит, как сердце.
Не глаза — однако, плачет.
Экая же незадача!
Я не знаю, как мне отвертеться.

Выход есть. Шагая в ногу
с веком,
Я решил, прикинув трезво,
Заменить ее протезом.
Буду совершенным человеком!

Веселый объектив

ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

Публикуем первые снимки, полученные нами на конкурс «Веселый объектив».

Напоминаем, что фотографии должны быть напечатаны на глянцевой бумаге размером не меньше 13×18 см.

Установлены следующие премии:

Первая — туристская поездка в один из отдаленных красивых уголков нашей страны.

Две вторые — туристская поездка в один из менее отдаленных, но не менее красивых уголков нашей страны.

Три третьи — по 100 рублей.

На конверте обязательно сделайте пометку «Веселый объектив». Работы принимаются до 15 декабря 1975 года.

А. ШАВЛОВ (г. Петухово, Курганской области).

— А нет ли про мышей?

А. КУДИНОВА (Зеленоград). По нехоженым тропам.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

А. ТЕДЕСКИ (Италия)

КАПКАН

В приемной известного римского адвоката несколько клиентов с озабоченными лицами ожидали приглашения: «Прошу, следующий!» Внезапно открылась другая, входная дверь, и, словно сквозняк, через приемную в кабинет без очереди стремительно пролетела стройная, красивая и явно взволнованная девушка.

— Что вам угодно, синьора? — встал из-за стола адвокат.

— Пока еще, увы, синьорита,— поправила девушка.— Меня зовут Сандра. Скажите, имеет, по-вашему, право молодой человек, пообещав девушке жениться на ней, взять слово обратно?

— Успокойтесь, сядьте,— сказал адвокат.

Приглаживая ладонью серебрящуюся шевелюру, он спросил:

— Эта девушка, вероятно, вы?

Сандра утвердительно кивнула.

— Гм... С юридической точки зрения ваш жених сделать это не может... Разве только, если он вас разлюбил? Но, по-моему, это просто невероятно!

— О, нет, он меня любит по-прежнему. Единственное препятствие — его отец!

Адвокат усмехнулся:

— Какой же он, к чертям, простите, жених? Если бы я был на месте вашего жениха, никакой отец не смог бы мне помешать взять вас в жены!..

— Да, но я девушка бедная...

— А он из состоятельной семьи? Вечная история! Тем более он обязан сдержать слово.

— Но как же он на мне женится, если отец решительно против?

— Ваш жених совершеннолетний?

Девушка кивнула.

— Тогда согласие отца ему совершенно не нужно.

— Но отец может лишить его наследства.

— Ерунда! — воскликнул адвокат, принимая позу трибуна.— Сыну всегда будет принадлежать определенная часть имущества.

— К сожалению, мой жених так боится отца, что скорее пожертвует своим счастьем, чем решится рассердить этого змея!..

Адвокат, искренне тронутый слезинкой, повисшей на ресницах Сандры, обнял девушу за плечи.

— Не расстраивайтесь: мы его победим! У вас есть доказательства, что его сын сделал вам предложение? Письма? Свидетели? Отлично! Папаша никуда не денется. Он у нас в руках! Мы докажем, что, надеясь на брак, вы потеряли работу.

— Но я...

— Неважно! — не слушал ее адвокат.— Вы ведь могли потерять работу? Кроме того, отказ жениха от брака причинил ущерб вашему здоровью...

— Но я же абсолютно здорова...

— Пустяк! Это вам только кажется! Не только я, любой, даже посредственный адвокат сможет доказать на суде, что у вас нервное истощение. О, ваш жених, а точнее, его папаша дорого заплатит за это! Я уже вижу этого так называемого отца: скупец, эгоист, с вечно кислой миной на лице!

— Что вы! Наоборот, он в общем-то гораздо симпатичнее, чем о нем говорит его сын.

— Гм... Тем не менее не поддавайтесь жалости, внешность обманчива. Мы потребуем от этого скряги в возмещение причиненного вам морального ущерба два миллиона лир! Пусть мы получим полтора, но вы и на эти деньги сможете сыграть свадьбу со своим нерешительным женихом!

— Полтора миллиона слишком много. Нам хватило бы на первое время полмиллиона лир...

— И не думайте соглашаться на меньшее! При нынешней-то инфляции! Слушайтесь меня, и я первый на вашей свадьбе подниму бокал за прелестную невесту!

— Нет, нет! Нам хватит полмиллиона. Мы сможем внести взнос за квартиру, обзавестись кое-какой мебелью. Главное, дайте нам эти деньги как можно быстрее!

— Но... почему деньги должен дать я?

Сандра чмокнула адвоката в щеку и засмеялась:

— Ах, я и забыла сказать вам, что мой жених — ваш сын! Что с вами, синьор?..

Перевел М. ФОК.

— Альф, прошу тебя, дай мне свободу!

«Уикэнд», Англия.

— С женой все улажено, можете уже тасовать, сейчас буду.

«Рир», Франция.

— Если хотите спать погасите свет, мсье. Я могу играть и в темноте.

«Пуркуа па?», Бельгия.

Однажды Бетховен слушал довольно посредственную оперу. Когда после спектакля композитор спросил, что думает Бетховен о его произведении, тот ответил:

— Ваша опера настолько мне понравилась, что я, наверное, напишу к ней музыку.

●

Посреди океана встретились два потерпевших кораблекрушение. Каждый плыл на своей доске.

— Добрый день! — сказал один.— Ваш корабль утонул?

— Да. Год тому назад.

— Что вы говорите? И вы провели все время в море?

— Да, а что?

— Как вы могли так долго выдержать?

— Сам удивляюсь. Особенно скучно по воскресеньям!

●

На суде.

— Итак, когда дело дошло до столкновения, у вашего противника в руках была палка. А что было у вас в руках?

— Его жена.

Врач-ветеринар вызвал на дом обычного врача и говорит ему:

— Я заболел, но хочу вам сказать, что, когда я лечу своих больных, я рассчитываю только на свою интуицию. Попробуйте и вы воспользоваться моим методом. Делайте все, как я.

Пришедший врач внимательно его осматривает, выписывает лекарства и, протягивая рецепт, говорит:

— Если через две недели вы не выздоровеете, боюсь, вас тогда придется пристрелить.

●

Маленький Джонни вечером смотрел по телевизору хоккей. Мама решила, что уже поздно, и сказала ему:

— Иди, малыш, в постельку и перед сном не забудь прочитать вечернюю молитву.

Не отрывая взгляда от телевизора, Джонни ответил:

— Неужели ты думаешь, что можно беспокоить бога в середине хоккейного матча?

Главный врач больницы зовет молодого хирурга в свой кабинет и говорит ему:

— Вы должны как-то умерить свой пыл... Из-за вас приходится списывать уже третий операционный стол. Большая просьба — не нажимайте так на скальпель!

●

Полицейский не верит своим глазам: прямо по тротуару едет машина, впрочем, довольно медленно. Он подходит к водителю:

— Что вы делаете?

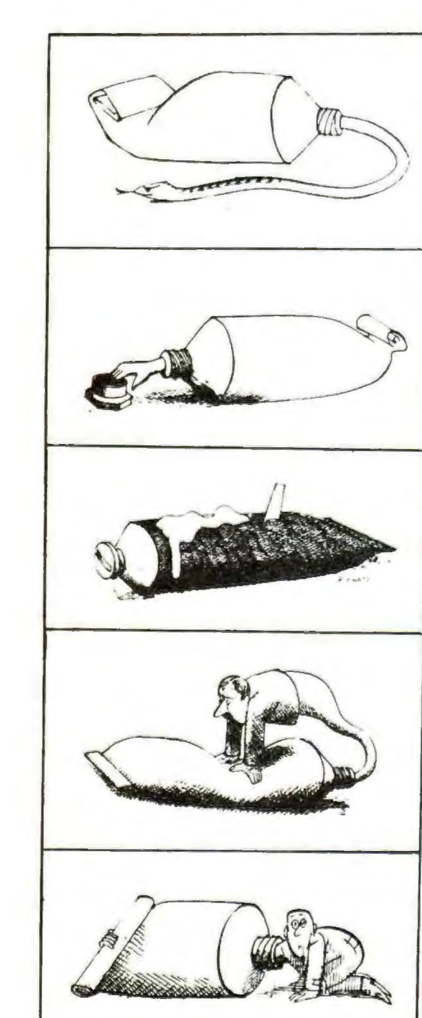
— Я только что получил права и еще очень боюсь встречных машин! — отвечает сконфуженно водитель.

●

Пьяный муж в поздний час возвращается домой. Он открыл дверь спальни и пробормотал:

— Прошу, дорогая, начинай кричать на меня, а то в этой темноте я не могу найти кровать!

Рисунки Юла ШТАУБЕРГА (Швейцария)

Васил ЦОНЕВ (Болгария)

ТВОРЧЕСКИЕ КОМАНДИРОВКИ

Спокойные люди сидят себе на одном месте, а мы, неврастеники, путешествуем.

Во время одного такого путешествия попал я в гостиницу в центре большого города. «Отель новый, приятный,— думал я,— можно будет выспаться, как человеку!»

Не тут-то было. В пять часов утра я проснулся от страшного крика. В ужасе открываю дверь и вижу — две горничные. Одна стоит в одном конце коридора, другая — в другом. Подметают пол и орут во всю глотку. Ничего страшного у них не произошло. Просто одна другой рассказывала, что она готовила вчера на обед, что сказал ей Пешо, ложась спать; а другая спрашивала ту, как можно отстирать белье, которое она положила в машину вместе с синими чулками.

Я попросил их объясняться как-нибудь потише, но они меня осмеяли: какой же я, мол, болгарин, если сплю после третьих петухов! Солнышко уже пригрело землю и — самое время окапывать кукурузу!

Тогда я сказал им кротким голосом, что инженеры, которые трудятся до полуночи, имеют право утром поспать.

— Хорошо бы послать вас в творческую командировку за границу, чтобы вы посмотрели, как работают горничные в тамошних отелях,— добавил я.

— А нас посылали, но мы отказались.

— Почему?

— А вместо нас ездил директор нашего отеля.

— И он вам рассказал, как ведут себя тамошние горничные?

Обе горничные захихикали и покраснели:

— Как же, все рассказывал. Особенно, что они...

И снова захихикали.

Спустя некоторое время я заехал в авторемонтную мастерскую, на вывеске которой огромными буквами было написано, что именно здесь ремонтируют машины той марки, что у меня. Меня очень учтиво встретили и познакомили с мастером, который будет ремонтировать мой автомобиль. Мастер подошел к машине и поинтересовался, как открывается дверца. Потом он спросил, где коробка скоростей. Потом,— чем, собственно, отличается моя машина от самосвала. Я схватил его за руку и подвел к вывеске, на которой значилось, что здесь обслуживают машины этой фирмы.

— Разве? — удивился он, почесав затылок.

— Неужели никогда не посылали хоть одного мастера из вашего сервиса за границу, туда, где производят эти машины?

— Посылали,— вздохнул он.— Только не мастера, а директора.

— Но он поделился опытом, рассказал вам, как там?

— Все рассказал,— и про музеи, и про театры, и про кино...

Вскоре я побывал в одном научно-исследовательском институте и хотел побеседовать с директором.

— Он в творческой командировке, в Финляндии.

— Приятно удивлен,— сказал я.— Значит, ваш институт имеет связи с финскими исследователями?

— Институт не имеет ничего общего с его командировкой. Наш директор поехал в качестве массажиста сборной страны на соревнования тяжелоатлетов.

Я вернулся домой и ночью увидел страшный сон,— будто пришли ко мне какие-то люди и предложили поехать за границу, в творческую командировку — в качестве футляра для контрабаса.

Перевел Г. КОФМАН.

КРОКОДИЛ

№ 27 (2145)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, В. Безбородов, М. Битный, М. Вайсборд, Б. Воробьев, Е. Горохов, В. Куликов, В. Маркин, Е. Милутка, А. Снотаренко.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29/VIII 1975 г. А 00914. Подписано к печати 10/IX 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 930 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 628 530). Изд. № 2006. Заказ № 1101.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Португальский архиепископ да Силва, вдохновитель вооруженных контрреволюционных вылазок в городе Брага, призвал «противопоставить коммунистам силу любви».

—Идите с любовью, дети мои!

Рисунок А. КРЫЛОВА